

А. Н. Веселовский

**Славянские сказания о
Соломоне и Китоврасе: и
западные легенды о Мороле и
Мерлине**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
В38

В38 **Веселовский А.Н.**
Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе: и западные легенды о Мороле
и Мерлине / А. Н. Веселовский – М.: Книга по Требованию, 2021. – 422 с.

ISBN 978-5-517-99394-6

ISBN 978-5-517-99394-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ОГЛАВЛЕНИЕ.

| | СТР. |
|---|------|
| Введение | 1 |
| I. Сказанія о Викрамадитѣ. | 18 |
| II. Дѣтство Соломона въ русскпхъ сказаніяхъ. Его суды въ легендахъ Востока и Запада | 72 |
| III. Талмудическія сказанія о Соломонѣ и ихъ происхожденіе. Борьба съ демономъ и побѣда. Отношенія къ Викрамачаритрѣ: Асмодей-Мара. Посредство парсизма: Асмодей = Aêshma-daêva | 131 |
| IV. Распространеніе легенды о Соломонѣ и Асмодеѣ. Легенды мусульманъ и ихъ источникъ. Источники европейскпхъ сказаній. Литературное значеніе средневѣковыхъ ересей. | 156 |
| V. Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ. | 241 |
| VI. Соломонъ и Морольфъ | 279 |
| VII. Мерлинъ | 342 |
| VIII. Дакнии и царица Савская. | 380 |
| Дополненія | 391 |

Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ и западныя легенды о Морольфѣ и Мерлинѣ.

Dainne lyt eyn lant, heisset Indean,
Da lernte ich die wise, frouwe woll gedan;
Sint gehört ich sie nie me,
Wan in der guden stat Iherusale.

(Salomon und Morolf).

Изъ той Индіи богатыя
•
Хитрости Цареграда,
Мудрости Герусалима.

(Русскія былинны).

Въ изученіи явленій народной европейской литературы на нашихъ глазахъ совершается поворотъ. Мифологическая гипотеза, возводившая къ немногимъ основамъ, общимъ всему индоевропейскому вѣрованію, разнообразіе сказокъ и повѣстей и содержаніе средневѣковаго эпоса, принуждена поступиться долей своего господства историческому взгляду, останавливающемуся на раскрытіи ближайшихъ отношеній и вліяній, совершившихся уже въ предѣлахъ исторіи. Выраженіемъ перваго направленія была нѣмецкая мифологія Я. Гримма; началомъ второго — извѣстное предисловіе Бенфея къ Панчатантрѣ. Эти книги не исключаютъ другъ друга, какъ не исключаютъ и оба направленія; они даже необходимо восполняютъ другъ друга, должны идти рука объ руку, только такъ, что попытка мифологической экзегезы должна начинаться, когда уже кончены всѣ счеты съ исторіей. Это одно изъ общихъ положеній, которыя я старался и провести въ своей книгѣ.

Возвращеніе къ историческому взгляду при оцѣнкѣ явленій народно-литературной старины — можетъ быть, признакъ времени, возвращеніе къ реализму. Мы такъ долго впитали въ романтическомъ туманѣ пра-арійскихъ мѣтовъ и вѣрованій, что съ удовольствіемъ спускаемся къ землѣ. И какъ теорія — историческая система есть возвращеніе къ старинѣ. Что въ сюжетахъ старой европейской литературы, въ легендахъ и новеллахъ, которыя любили сказывать наши предки, много не своего, замѣтowanego со стороны уже въ историческую пору — про это говорили давно, и существовали различныя теоріи, объяснявшія тѣмъ либо другимъ вліяніемъ своеобразный колоритъ средневѣковой литературы, ея такъ называемый романтизмъ. Болѣе полное знакомство съ Востокомъ выдвинуло въ послѣднее время на первый планъ ученіе о восточномъ вліяніи, въ особенности — буддистскомъ. Оно, несомнѣнно, было значительно; въ этомъ соглашаются теперь даже люди, которые особенно сильно настаивали на фактѣ обратнаго заимствованія, напр. греческой культуры индусами. «Походы Александра Великаго привели грековъ на долгое время въ непосредственное общеніе съ Индіей, писалъ недавно Веберъ¹⁾; греческіе князья царили въ теченіе двухъ вѣковъ въ сѣверозападныхъ и западныхъ областяхъ Индіи; греческіе послы приходили ко дворамъ индійскихъ царей; греческая торговля, наука и искусство приливали къ центрамъ индійской жизни, и вліяніе ихъ было, вѣроятно, | гораздо сильнѣе, чѣмъ обыкновенно полагаютъ. Оно простиралось не только на практическую область, какъ напр. на архитектуру, чеканку монетъ, на свѣдѣнія по астрономіи и астрологіи и сценическую постановку драмы, но и обнимало факты болѣе духовнаго разряда; имъ объясняется внесеніе въ Индію множества западныхъ сказаній, басенъ, повѣстей, мѣтовъ и легендарно-религіозныхъ сюжетовъ. Наоборотъ, вслѣдствіе того-же общенія, многочисленныя произведенія индій-

1) Weber, Indische Beiträge zur Geschichte der Aussprache des Griechischen, въ Monatsberichte d. K. preuss. Ak. d. W. zu Berlin. Dec. 1871, стр. 613—14.

ской культуры, матеріальныя и духовныя, проникли на западъ. Можно сказать, что если въ дохристіанское время вліяніе запада на востокъ было преобладающимъ, то въ христіанскую пору обратное теченіе вообще было сильнѣе».

Фактъ вліянія восточныхъ представленій на европейскую мысль является такимъ образомъ общепризнаннымъ. Но для историка онъ остается все еще вопросомъ, пока не раскрыты точнѣе обстоятельства, при которыхъ совершилось это вліяніе, и не одна только возможность, но и пути перехода. На послѣднее требованіе отвѣчали различно: говорили о старыхъ торговыхъ связяхъ, о паломникахъ къ Святымъ Мѣстамъ Востока, приносившихъ къ намъ заморскія легенды и сказки; о столкновеніи Европы и Азии въ пору крестовыхъ походовъ; объ испанскихъ арабахъ, вторгшихся клиномъ въ европейскую цивилизацію; наконецъ о посредствѣ монголовъ. Какъ извѣстно, гипотеза эта выставлена была впервые Бенфеємъ и проведена у насъ съ излишней исключительностью въ статьяхъ г. Стасова. Ни одна изъ этихъ гипотезъ не исключаетъ другія, и всѣ онѣ, можетъ быть, отвѣчаютъ фактамъ исторической жизни; но ни одна изъ нихъ не доказана, и не изучены въ отдѣльности явленія, | которія каждая изъ нихъ предполагаетъ. Вопросъ о вліяніи восточныхъ сказаній на повѣствовательную литературу Запада остается по прежнему въ такомъ положеніи: мы признаемъ, что общеніе между Востокомъ и Западомъ было, на это есть историческія данныя; намъ стали извѣстны ряды сказокъ, легендъ и эпическихъ мотивовъ, общихъ той и другой области — и мы заключаемъ что они — результатъ того-же историческаго общенія. Когда и гдѣ оно совершилось — это и есть искомое, которое все еще необходимо опредѣлить. Сходство двухъ повѣстей, восточной съ западной, само по себѣ не доказательство необходимости между ними исторической связи: оно могло завязаться далеко за предѣлами исторіи, какъ любятъ доказывать мнѳологическая школа; оно, можетъ быть, продуктъ равномернаго психическаго раз-

витія, приводившаго тамъ и здѣсь къ выраженію въ однѣхъ и тѣхъ-же формахъ одного и того же содержанія. Пока у насъ въ рукахъ только двѣ точки: исхода и выхода, Востокъ и Западъ, буддистскія джатаки и европейскія повѣсти; если между ними и было движеніе, то мы не знаемъ, по какой линіи оно совершилось, искривленной или прямой. Для того чтобы опредѣлить это искривленіе, необходимо бы имѣть между двумя крайними точками по крайней мѣрѣ еще одну среднюю опредѣленную: будетъ ли это какое нибудь историческое имя, исторически приуроченное событіе, литературный памятникъ. Ни того, ни другого монгольская гипотеза, по самому своему существу, представить не можетъ; между тѣмъ занятія въ области такъ называемыхъ странствующихъ повѣстей должны привести къ убѣжденію, что прочные результаты могутъ быть получены здѣсь лишь въ томъ случаѣ, **в** когда изученіе ограничится на первый разъ группою сказаній, гдѣ найдется такая посредствующая форма, обличающая подлинность историческаго перехода, т.-е. группою литературныхъ фактовъ. Литературное вліяніе Востока на Западъ, на сколько оно засвидѣтельствовано памятниками, представляется мнѣ единственно существеннымъ — потому что оно и можетъ быть доказано, и должно было быть устойчивѣе. Разказы паломниковъ и монголовъ — номадовъ мы должны принять на вѣру, тогда какъ не нужно особаго успія мысли, чтобы понять, почему повѣсти изъ Панчатантры и Семи мудрецовъ такъ долго удержались въ народномъ сознаніи Запада. Мы знаемъ, хотя и въ общихъ чертахъ, литературную исторію этихъ сборниковъ, знаемъ, когда европейцы открыли ихъ впервые, какіе съ нихъ сдѣланы были переводы, познакомившіе западное общество съ сюжетами, которые до тѣхъ поръ были ему неизвѣстны.

Эта точка зрѣнія на предметъ опредѣлила и выборъ моеи темы: европейскія повѣсти о Соломонѣ.

Основа этихъ неканоническихъ повѣстей обличаетъ происхожденіе съ дальняго востока: буддійскаго и иранскаго; но въ Европу онѣ проникли уже съ именемъ Соломона, что указываетъ.

на посредство среды, оставившей на нихъ это библейское имя. Такимъ образомъ, одна посредствующая форма перехода достаточно выяснилась. На этой первой степени стоитъ талмудическая сага о Соломонѣ, перешедшая впоследствии и къ мусульманамъ, и, можетъ быть, другое своеобразное видоизмѣненіе той-же саги, которое я гадательно отнесъ на счетъ дуалистическихъ сектъ, проводившихъ въ средневѣковое христіанство религіозныя воззрѣнія и легенды арійскаго Востока. Въ той и другой редакціи Соломоновская легенда проникла въ христіанскую Европу, вмѣстѣ съ другими | статьями такого-же двоевѣрнаго характера, и за- VI няла здѣсь мѣсто въ ряду отреченныхъ книгъ. Это — третья ступень перехода. У насъ есть извѣстіе, что въ концѣ V-го вѣка апокрифъ о Соломонѣ былъ знакомъ на Западѣ, и что противъ него тогда уже возставала римская церковь. Къ южнымъ славянамъ онъ принесенъ былъ, безъ сомнѣнія, изъ Византіи. Другія западныя свидѣтельства отъ X-го вѣка позволяютъ заключить, что уже въ эту пору западная рецензія отличалась особымъ характеромъ, напр. собственныхъ именъ, который потомъ упрочился за ней и составилъ ея отличіе отъ восточной, т.-е. византійско-славянской. Съ X-го вѣка, или вѣрнѣе съ XI-го, мы наблюдаемъ новое явленіе: апокрифическая повѣсть переходитъ въ народъ и народнѣетъ; она даетъ содержаніе повѣстямъ, романамъ и фабль, и доходитъ до анекдота и прибаутки. Такъ было на Западѣ; но и въ восточной группѣ происходитъ подобное броженіе, хотя мы и не знаемъ, когда оно началось: отреченная статья разбилась на книжную повѣсть, русскую былинку, на сербскія и русскія сказки. Это уже послѣдній періодъ развитія, въ которомъ мы довольно ясно продолжаемъ отличать двѣ группы: западную-латинскую и византійско-славянскую. Обѣ онѣ развиваются своеобразно, иногда далеко расходясь въ своихъ результатахъ, при чемъ преимущество вымысла и поэзии безспорно принадлежитъ Западу; иной разъ онѣ смѣшиваются: западныя повѣсти о Соломонѣ, въ своихъ народныхъ переработкахъ, проникли, можетъ быть, въ XVI и XVII в., и въ Россію, такъ что

позднѣйшія русскія сказанія могли отразить на себѣ слѣды двухъ разновременныхъ вліяній: надъ старой византійской легендой въ нихъ надслоплись западные рассказы, юморъ которыхъ заслонилъ серьезное содержаніе ихъ далекаго отреченнаго подлинника.

vii | Такимъ образомъ, главные этапы въ исторіи перехода и развитія Соломоновской легенды — найдены, и вмѣстѣ съ тѣмъ указано общее направленіе пути, по которому должно идти изслѣдованіе, если оно хочетъ добиться какихъ нибудь опредѣленныхъ результатовъ. Цѣнность этихъ результатовъ будетъ стоять въ зависимости отъ количества и качества матерьяловъ, которыми располагаетъ изслѣдователь. Ни въ томъ, ни въ другомъ отношеніи я не былъ особенно счастливъ. Такъ у меня не было подъ руками ни одного изъ первопечатныхъ изданій діалоговъ Соломона и Морольфа; съ ними, впрочемъ, были слишкомъ мало знакомы и von der Hagen и Kemble, которымъ богатства западныхъ библіотекъ были доступны, чѣмъ мнѣ, пишущему въ Россіи. Точно также я не могъ достать французскаго перевода персидской Викрамачаритры (New York, 1817), котораго не могъ добиться и Бенфей. Наконецъ, мнѣ, какъ не ориенталисту, не были доступны нѣкоторыя редакціи Викрамачаритры, существующія въ народныхъ діалектахъ Индіи. Я предвижу возраженіе: зачѣмъ было мнѣ, не ориенталисту, браться за вопросъ, рѣшеніе котораго обусловлено въ нѣкоторой степени близкимъ знакомствомъ съ литературами Востока? Мнѣ могутъ замѣтить, что моя тема, какъ и «дальнѣйшая судьба вопроса о нашихъ былинахъ — въ рукахъ нашихъ ориенталистовъ»¹⁾. Но, по моему крайнему убѣжденію, изученіе странствующихъ повѣстей, по самому существу задачи, предполагаетъ равномерное знакомство съ фактами восточной и западной культуры, что, какъ извѣстно, рѣдко соединяется | въ одномъ и томъ-же лицѣ. Тутъ, стало быть, необходимо начать съ какой нибудь крайности, и я не знаю, почему

1) В. Стасовъ, Происхожденіе русскихъ былинъ (Вѣстникъ Европы, 1868 г. Т. IV, стр. 344).

одинъ починъ былъ-бы предпочтительнѣе другого. Либрехтъ — не ориенталистъ; между тѣмъ его открытіе буддистскихъ источниковъ Варлаама и Иосафата пролило новыи свѣтъ на духовное общеніе Европы съ дальнимъ Востокомъ. Von der Hagen, J. Grimm и Kemble обратили вниманіе на восточное содержаніе европейскихъ повѣстей о Соломонѣ, не будучи ориенталистами. Недавно тотъ же сюжетъ былъ затронутъ Hofman'омъ. «Я пытался написать главу изъ сравнительной исторіи сказаній, самой молодой изъ наукъ, возникшихъ въ XIX-мъ столѣтіи», говоритъ онъ по этому поводу¹⁾; «миѣ пришлось дѣлать набѣги въ самыя разнообразныя, далеко отстоящія другъ отъ друга области знанія и производить филологическіе опыты въ такихъ его отдѣлахъ, съ которыми я мало знакомъ, или же не знакомъ вовсе. Если-бы такой пріемъ имѣлъ цѣль чисто филологическую, онъ заслуживалъ-бы порицанія, какъ шарлатанство. . . . Но въ сравнительной наукѣ повѣстей никакой другой пріемъ и не возможенъ, и меня должна оправдать самая сущность сюжета». Авторъ противопоставляетъ далѣе языку, всегда этнографически самозаключенному — сказку, не знающую границъ своему распространенію ни во времени, ни въ пространствѣ, ни въ отличіяхъ религіи и цивилизаціи. «Люди, занимающіеся этой молодой и въ высшей степени интересной наукой, требуютъ извѣстной снисходительности, если ихъ работа заведетъ ихъ иногда въ такую филологическую область, гдѣ они не у | себя дома и могутъ ориентироваться только съ нѣкоторымъ затрудненіемъ и посторонней ученой помощью».

Эти слова я могъ-бы написать самъ въ защиту своей книги, если-бы выборъ темы потребовалъ защиты. Объ исполненіи пусть судятъ другіе. Если въ чемъ нибудь я не могу согласиться съ Гофманомъ, такъ это въ слѣдующемъ: говоря о мотивахъ, о типахъ странствующихъ сказаній, онъ замѣчаетъ, что, какъ бы они

1) C. Hofman, Ueber Jourdain de Blaivies, Apollonius von Tyrus, Solomon und Marcolph, въ Sitzungsberichte d. philosoph. philolog. u. hist. Cl. d. K. B. A. d. W. zu München, 1871, IV, стр. 445—8.

ни измѣнялись, какъ ни расходились въ подробностяхъ, всегда легко признать ихъ общія черты и привести ихъ къ немногимъ основнымъ группамъ. Другое дѣло — пути, на которыхъ совершились эти измѣненія: о нихъ, въ большинствѣ случаевъ, мы почти ничего не знаемъ. И онъ дѣйствительно ничего не дѣлаетъ для ихъ опредѣленія. Между тѣмъ, какъ я уже сказалъ, въ этомъ и состоитъ вся задача; я, по крайней мѣрѣ, такъ именно понялъ вопросъ, принимаясь изучать исторію того круга повѣстей, который я назову соломоновскимъ.

Трудности представлялись сразу. Предметъ изученія сравнительно новый — особенно у насъ, гдѣ единственное подспорье представляли монографія Э. И. Буслаева и извѣстный Очеркъ А. Н. Пыпина, безъ котораго, собственно говоря, я не могъ-бы и работать. Самый методъ и приемы изслѣдованія недостаточно выяснены, а между тѣмъ матеріалы сравненія разбросаны въ широкихъ географическихъ границахъ, отъ Востока до крайняго Запада. Изучая историческую шпѣ, протягивающуюся между разнообразными формаціями одной и той-же повѣсти, я не поручусь, что не ошибся въ той либо другой подробности, или въ ея толкованіи; многое, о чемъ въ моей книгѣ говорится аподиктически, можно бы оставить пока | съ знакомъ вопроса, подъ страхомъ сомнѣнія; въ общемъ я едва-ли ошибся, т.-е. въ направленіи, въ которомъ совершился переходъ, въ опредѣленіи его культурныхъ условій. При скудности матеріаловъ, которыми я могъ располагать, незамѣнимое подспорье представили мнѣ древнія славянскія легенды о Соломонѣ. Изслѣдователи средневѣковой литературы до сихъ поръ почти не пользовались славянской стариной; между тѣмъ я убѣжденъ, что изученіе ея явленій и памятниковъ могло-бы во многомъ измѣнить существующій взглядъ на нѣкоторые факты западныхъ литературъ, объяснило-бы нѣсколько иначе ихъ зарожденіе и первичныя формы. На Западѣ люди жили болѣе страстною, первюю жизнью, чѣмъ на юго-востокѣ; оттого тамъ старина скорѣе забывалась, потому что новые интересы жизни и новые образы фантазіи ее закрывали. Византійско-сла-